

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92).

Political Linguistics. 2022. No 2 (92).

УДК 811.161.1'27

ББК Ш141.12-006.2

ГСНТИ 16.01.07; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

Владимир Николаевич Базылев

Открытый университет экономики, управления и права, Москва, Россия, v-bazylev@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8952-9485>

Право на различие (к столетию советского научного дискурса языковой политики)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена восполнению лакун в истории отечественной социолингвистики. Исследуется содержание и контекст книги Овсянико-Куликовского 1922 года, посвященной вопросам языковой политики советского государства. Обсуждаются параллели научного дискурса языковой политики 1921 и 1989 годов. Показано, как происходило снятие идеологической и научной границы между национальной политикой и языковой политикой нового советского государства. Анализируются достижения и потери советской и постсоветской социолингвистики за период, прошедший от X съезда РКП в 1921 году до Пленума ЦК КПСС по национальным вопросам 1989 года. Констатируется, что в настоящее время социолингвистика сталкивается с новой реальностью, которая требует иного подхода, прежде всего теоретического, к пониманию, осмыслению и интерпретации. В новой ситуации проблема языковых отношений актуализируется в условиях иной геополитической реальности, в условиях становления большого количества национальных государств — от Черногории до Балтии, от Казахстана до Молдовы. Лингвистика была и остается одной из самых политизированных наук. С помощью языка реализуется стремление каждой нации к созданию своей политической мифологии, тесно связанной с поисками национальной идеи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая политика, языковая ситуация, советская социолингвистика, постсоветская социолингвистика, научный дискурс, советское языкознание, советское государство, русский язык, Д. Н. Овсянико-Куликовский.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Открытый университет экономики, управления и права (Москва); 109029, Россия, г. Москва, ул. Нижегородская, д. 32; e-mail: v-bazylev@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Базылев, В. Н. Право на различие (к столетию советского научного дискурса языковой политики) / В. Н. Базылев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 2 (92). — С. 12–24.

THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Vladimir N. Bazylev

Global Development Learning Network — Regional Secretariat for ECA&ME, Moscow, Russia, v-bazylev@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8952-9485>

The right to distinction (to the centenary of the Soviet scientific discourse of language policy)

ABSTRACT. The paper aims to bridge the gaps in the history of Russian sociolinguistics. It explores the content and the context of Ovsyaniko-Kulikovsky's 1922 book devoted to the issues of the language policy of the Soviet state. The author discusses the parallel lines of the scientific discourse development of the language policy of 1921 and 1989. He shows how the ideological and scientific boundaries between the national policy and the language policy of the new Soviet state were removed. The article analyzes the achievements and failures of the Soviet and post-Soviet sociolinguistics over the period from the X Congress of the RCP(B) in 1921 to the Plenum of the Central Committee of the CPSU on National Issues in 1989. It is stated that sociolinguistics is currently facing a new reality that requires a different approach, primarily theoretical, to the understanding, comprehension and interpretation. In the new situation, the problem of language relations is actualized in a different geopolitical reality, under the conditions of the formation of a large number of national states — from Montenegro to the Baltic States, from Kazakhstan to Moldova. Linguistics has always been and still remains one of the most politicized disciplines. Language is used to realize the desire of each nation to create its own political mythology, closely related to the search for a national idea.

KEYWORDS: language policy, language situation, Soviet sociolinguistics, post-Soviet sociolinguistics, scientific discourse, Soviet linguistics, Soviet state, Russian language, D. N. Ovsyaniko-Kulikovsky.

AUTHOR'S INFORMATION: Bazylev Vladimir Nikolaevich, Doctor of Philology, Professor, Open University of

Humanities and Economics, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Bazylev V. N. (2022). The Right to National Identity (To the Centenary of the Soviet Scientific Discourse of Language Policy). In *Political Linguistics*. No 2 (92), pp. 12-24. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

1922 год. Петроград. Типография Штаба Р.К.К.А. Тиражом в 4 тысячи экземпляров^[1] выходит книга академика Д. Н. Овсяннико-Куликовского^[2] «Психология национальности» [Овсяннико-Куликовский 1922].

Эта небольшая по объему книга — всего 34 странички — кладет начало советскому научному дискурсу языковой политики. Именно начало, так как до официального оформления Н. Я. Марром основных положений «нового учения о языке» еще целый год. Это произойдет только в ноябре 1923-го.

Книга Д. Н. Овсяннико-Куликовского приходится на самый важный период с точки зрения пореволюционной языковой политики советского государства: между X съездом РКП(б) в марте 1921 г. и декабрьской 1922 г. конференцией делегаций от съездов Советов РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР, на которой был подписан Договор об образовании СССР. Она положила начало сплава послереволюционной, еще не до конца советской, но уже новой науки о языке, с новой идеологией. Вхождение науки в политику естественно, по словам П. Серио, сопровождалось эпистемологическими разрывами и скачками [Серио 2001: 56]. До X съезда речь шла преимущественно о национальной политике.

В 1913 г. В. И. Ленин в статье «Критические заметки по национальному вопросу» попытался описать закономерности развития нации: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и ущемление всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д. Обе тенденции суть мировой закон капитализма» [Ленин 1974: 124].

В том же, 1913 г., выходит брошюра Сталина «Марксизм и национальный вопрос», в которой на первое место в перечне признаков нации автор ставит *общность языка* [Сталин 1946: 293]. Однако содержание работы посвящено, конечно, не языковой проблематике, а сугубо политической: критике позиции австрийских марксистов о культурно-национальной автономии в качестве решения национального вопроса во

всех империях.

Массовая по своему тиражу и популярная по своему содержанию брошюра Д. Н. Овсяннико-Куликовского обозначила своего рода снятие идеологической и научной границы между национальной политикой и языковой политикой нового советского государства.

У ИСТОКОВ НОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Глава III книги Овсяннико-Куликовского, озаглавленная «Принципы национальной политики и национальные языки», представляет собой совокупность тезисов о языковой политике, которые вводят массового адресата, а не только узкопрофессиональные научные круги, как мы отметили выше, в новую языковую среду за счет создания новых языковых конструкций, проявляющих себя как идеология в актуальных текстах.

Тезис первый: решение задач национальной политики напрямую зависит от решения вопроса о национальном языке.

«Если бы национальная психика не была так неразрывно, так интимно-тесно связана с языком, то она, функционируя в бессознательной сфере, скрываясь в глубине души, оставалась бы недоступно всяким воздействиям со стороны. Но язык, ее орган и выражение, проявляясь во вне, выходя за пределы личности, открывает, если можно так выразиться, „фронт национальной психики“. Различные силы, благожелательные и враждебные, действуя на язык, влияют тем самым на национальную психику. Поэтому основная задача национальной политики сводится к вопросу о языке <...> язык устанавливает связь человека с национальной средой <...> В этом смысле он является орудием национального тяготения личности. Национальное тяготение не может быть навязано личности. Оно не возникает по приказу. Равным образом нельзя ни воспретить, ни отменить его. Оно неотъемлемое достояние и непререкаемое право личности» [Овсяннико-Куликовский 1921: 25, 28, 29].

Тезис второй: свобода национальных языков — требование времени.

«Отсюда принцип свободы национально-го самоопределения личности. Этот принцип логически требует признания и ограждения свободы всех национальных языков. Это значит, что право личности пользоваться языком, который она считает своим национальным языком, должно быть признано и

ограждено в том смысле, чтобы личность, с этой стороны, не встречала никаких препятствий для свободного проявления своей национальной тяги. Практическое значение это требование имеет только в тех странах, население которых раскалывается между двумя или несколькими национальностями, где существует соперничество языков и где на этой почве нормальное развитие национальной психики нарушается болезнями национализма» [Овсянко-Куликовский 1921: 30].

Тезис третий: следует признать существование оппозиции национального языка и языка государственного.

«Понятие национального языка, по недоразумению, обыкновенно отождествляют с понятием языка государственного. Я склонен, наоборот, — противопоставлять эти понятия. В странах одноязычных язык национальный является вместе с тем и государственным, — он берет на себя эту функцию — ради удобства населения. Которому он при всем разнообразии наречий, в достаточной мере доступен (благодаря школе и самой жизни). В странах, где население говорит на разных языках, возведение одного из них на степень государственного рассматривается как привилегия той части населения, для которой этот язык национален, и эта часть населения признается господствующей в стране. Это — остаток или пережиток старых порядков, основанных на неравенстве, на привилегиях и ограничениях, исторически установившихся. При демократическом строе эти отжившие порядки подлежат упразднению. С государственным языком не должно быть связано никаких прав и преимуществ для той части населения, которой он принадлежит в качестве национального. Возложение на тот или другой язык обязанности играть роль государственного есть вопрос фактического удобства, и эта роль в странах разноязычных приличествует тому из национальных языков, который наиболее распространен и издавна стал „общим“, — органом общения и культурного объединения народностей, населяющих страну <...> Возможно раздвоение государственной роли между двумя-тремя языками. Это один из тех вопросов государственного упорядочения <...> У нас на Украине возможно в будущем разделение государственной функции между двумя языками — общерусским и украинским, как, например, в Грузии — между русским и грузинским. Говоря так, я мыслю будущий государственный строй России упроченным на принципе федерации или, по крайней мере, на основах широкой областной автономии» [Овсянко-Куликовский

1921: 30—31].

Эти тезисы в своей совокупности сформировали тот фрагмент картины мира, с которым начало жить поколение отечественных языковедов с 20-х годов, а затем и весь советский народ вплоть до 90-х гг. XX в.

ОТ X СЪЕЗДА РКПб 1921 ГОДА ДО ПЛЕНУМА ЦК КПСС 1989 ГОДА

Обратимся к материалам переломного во многих отношениях X съезда РКПб 1921 г. Достаточно указать, что именно он ознаменовал переход к новой экономической политике. Но не только. 10 марта на утреннем заседании с докладом по национальному вопросу и в прениях выступил Сталин, содокладчиком был Г. И. Сафаров^[3]. Судя по стенограмме съезда, именно в этот момент Сталиным впервые был сделан акцент на языковой ситуации в стране: «Здесь я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке. Такие же речи раздавались лет пять тому назад об Украине, об украинской национальности. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность — выдумка немцев... Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет 40 тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига — чисто латышский город. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелоруссы» [Десятый съезд. Протоколы 1933: 198].

На языковую ситуацию обратил внимание выступивший в прениях В. П. Затонский^[4]: «Революция неожиданно для самих большевиков вызвала подъем национального движения, как на Украине или Туркестане, так и в самой России. Россия стала первой на путь революции... Россия из ... фактической колонии Западной Европы, превратилась в центр мирового движения, этот факт наполнил гордостью сердца... и создался своего рода русский красный патриотизм... есть тенденция к „единой, неделимой“... необходимо самым решительным образом бороться с тенденциями русапетства...<...> ...необходимо вытравить из голов товарищей представление о советской федерации,

как федерации непременно „русской“, ибо дело не в том, что она российская, а в том, что она советская. Если, напр., будет Румыния советская, если будет советская Германия и другой ряд федераций, будут ли они тоже называться российскими?» [Десятый съезд. Протоколы 1933: 184—214; 634—648].

После недолгих прений председательствующий на заседании К. Е. Ворошилов предложил сформировать комиссию для выработки резолюций по национальному вопросу. Вот на эту резолюцию исследователи, напр. В. М. Алпатов, практически внимание не обращали и ее не цитировали. А она примечательна своим программным характером, который предопределил развитие всей советской социолингвистики на последующие десятилетия.

По сути, история языков народов СССР — РФ — это реально осуществленное за 60 с небольшим лет претворение в жизнь решений X съезда РКП(б) 1921 г: «...помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения» [КПСС в резолюциях... 1954: 559]^[5].

Большинство советских языковедов с воодушевлением восприняли идеи новой языковой политики и активно включились в работу по так называемому языковому строительству, чтобы, как сказал В. Маяковский, *в мире без России, без Латвий, жить единым человеческим общежитием* (В. В. Маяковский. Товарищу Нетте, пароходу и человеку. 1926 г.). Среди них следует прежде всего назвать Е. Д. Поливанова и Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова и Д. В. Бубриха, Н. Н. Поппе и Н. К. Дмитриева, А. М. Сухотина и К. К. Юдахина.

В конечном итоге это привело к форми-

рованию того фрагмента картины мира советского человека, для которого русский язык и другие языки СССР, по словам М. И. Исаева^[6], «это итог развития социалистических наций и народностей, для которых нормой взаимоотношений стали пролетарский интернационализм и дружба народов. Шаг за шагом снимаются политические, идеологические и психологические барьеры, воздвигнутые между народами за предшествующие исторические эпохи. Сообразно этому взаимодействие языков носит характер благотворного взаимовлияния, взаимообогащения, а в функциональном отношении — характер взаимопомощи и „разделения труда“ В дружной семье советских народов русский язык стал средством обмена опытом коммунистического строительства, средством приобщения каждой нации к культуре и достижениям других наций, прежде всего к революционным традициям и богатейшей культуре русского народа, к подлинникам бессмертных творений В. И. Ленина, к шедеврам русской литературы, к трудам ученых, развивающих самую передовую в мире науку и технику, а также и к мировым достижениям. В этих условиях русский язык все более становится фактически родным языком или „вторым родным языком“ большинства советских людей. Особая роль русского языка сделала его одним из основных источников обогащения национальных языков» [Исаев 1978: 4—5].

Действительно, к 80-м гг. XX в. языковая политика СССР привела к формированию достаточно разветвленной функциональной языковой картины. В СССР русский язык стал языком межнационального и международного общения. Наряду с ним функционировали региональные языки межнационального общения (например, аварский язык в Дагестане). Завершилось формирование функционально развитых литературных языков (татарский, башкирский, якутский, чувашский и др.). Младописьменные языки, получившие письменность в 20—30-е годы, с менее развитыми функциями (например, лезгинский, даргинский, табасаранский, эскимосский, нивхский и др.) активно продолжали свое развитие в направлении пополнения своих функций. Новописьменные языки, для которых дорабатывалась письменность (алеутский, нганасанский, негидальский, орокский, ороцкий, ижорский, караимский, удинский, цыганский, шорский, энецкий, самский, вепский, карельский), вступили на путь функционального развития. Оставшиеся пока бесписьменными языки (например, андийский, каратинский, ахвахский, чамалинский, тиндинский, багвалинский

и др.) перспективно готовились к обретению нового для них функционала [Решение 1982].

Однако наряду с несомненными достижениями в теории и практике языковой политики к концу 80-х вскрылись весомые потери на этом участке идеологического фронта [общий обзор см.: Шорова 2018]. Эпоха, именуемая «горбачевской перестройкой», особенно вторая половина 80-х гг. XX в., охарактеризовалась взрывным характером национального вопроса. Практически все СМИ того времени начали открыто обсуждать его. В центральных газетах (напр. в «Комсомольской правде») появляется так называемая премьера рубрики «национальный вопрос». Вот топовая цитата той эпохи: «Сейчас уже никто не спорит: национальный вопрос в повестке дня в качестве одного из чрезвычайных и неотложных. Проблемы накапливались в течение долгих десятилетий. Сегодня национальный вопрос — это проблемы языка и истории, культуры, экологии и спорных границ» [Мурсалиев 1989: 1].

На этом фоне готовится и проводится сентябрьский 1989 г. Пленум ЦК КПСС, на котором с докладом «О национальной политике партии в современных условиях» выступит М. С. Горбачев. Не касаясь политико-идеологического фрагмента его выступления, обратимся к научной социолингвистической его составляющей. Со всей очевидностью в горбачевском дискурсе присутствует все тот же, начала 20-х годов, как в книге Д. Н. Овсяннико-Куликовского, дискурс языковой политики. Параллели налицо.

Тезис первый: решение задач национальной политики напрямую зависит от решения вопроса о национальном языке.

«Логика перестройки, сама жизнь подвели нас к выводу, что и в национальных отношениях назрела потребность во всеохватывающих глубоких преобразованиях... Мы часто употребляем привычный оборот, что при Советской власти некоторые народы впервые получили письменность. А ведь что это означает? Отнимите у человека возможность говорить и писать на родном языке, знать исторический путь, эпос своего народа, и он, как бы ни преуспевал в материальном отношении, уже безроден, а значит, и бездуховен... Под влиянием экономических, социальных и демографических факторов происходило определенное сокращение сферы действия национальных языков, что трактовалось в пользу распространенных в прошлом теоретических постулатов о форсированном слиянии наций, которые были подняты на уровень программных установок. И хотя эти процессы вызывали законную

тревогу и обеспокоенность в обществе, здравые попытки более глубоко в них разобраться и найти рациональное решение нередко квалифицировались как национализм со всеми вытекающими отсюда последствиями. Результатом такой практики стало падение роли национальных языков некоторых народов. И понятно их стремление к сохранению и развитию родного языка, умножению ценностей своей культуры. Нам чрезвычайно важно выработать четкую позицию по этой жизненно важной проблеме, которая приобрела политический характер и затрагивает интересы всего населения страны. Причем позицию, основанную на учете всех справедливых чаяний, на всеобщем согласии» [Материалы Пленума... 1989: 21—22].

Тезис второй: свобода национальных языков — требование времени.

«Ключевой вопрос здесь, на котором надо остановиться особо, — это путь реализации в современных условиях ленинского принципа самоопределения наций. В минувшие десятилетия в этом было допущено немало извращений. К сожалению, они закрепились в определенной мере и в общественном сознании. Необходимо поэтому четко определиться в этом коренном для нашей теории и политики вопросе. Прежде всего следует подчеркнуть, что партия будет последовательно проводить в жизнь ленинскую национальную политику, включая такой ее основополагающий принцип, как право наций на самоопределение... Это — сложный, многоплановый процесс утверждения национального достоинства, развития языка и культуры, укрепления политической самостоятельности, экономического и социального прогресса» [Материалы Пленума... 1989: 23—24].

Тезис третий: следует признать существование оппозиции национального языка и языка государственного.

«Какой должна быть здесь наша политика? Прежде всего, мы исходим из того, что коренное население всех республик, безусловно, имеет полное право утвердить свой язык в качестве государственного, иначе говоря, создать правовые условия для его сохранения и развития. Это не только, товарищи, юридический вопрос. Это вопрос политический, поскольку речь идет о самочувствии наших народов, их понятном стремлении сохранить свою национальную самобытность» [Материалы Пленума... 1989: 29-30].

Но если в 1921 г. сформулированные социолингвистические идеи были перспективной, то в конце 80-х это лишь ретроспектива. То, что было сформулировано Д. Н. Овсяннико-Куликовским, можно назвать

фрагментами программы. То, о чем говорил М. С. Горбачев, можно назвать констатацией потерь. В том числе констатацией того, что советская социолингвистика не справилась с решением основной научной задачи: не оформила свои фрагментарные исследования, которые без сомнения проводились, и проводились масштабно, в теоретическую программу языковой политики.

Тому была одна важная причина, озвученная П. Вайлем: «Ученые не могли не вмешиваться в дела общества. Но когда они вмешивались, они переставали быть учеными, а становились диссидентами» [Вайль 2018: 124].

ДОСТИЖЕНИЯ И ПОТЕРИ

Что можно отнести к следствиям недоработок, в том числе отечественной социолингвистики.

Во-первых, исследовательское невнимание к центробежным тенденциям в языковой политике регионов России, стремившихся к предельной реализации суверенитета, в том числе и за счет развития в национальных республиках собственных языков в ущерб русскому.

Во-вторых, невнимание к стремлению поддержать национальный язык за счет постепенного перевода преподавания в основной и старшей ступеней в национальной школе, а также частично высшего образования, на национальный язык. Из открытых публикаций сегодня известно, что, например, в Татарстане на базе Казанского государственного технологического университета действует кафедра билингвистики, обучение студентов здесь ведется на двух государственных языках по 5 специальностям. Преподаватели кафедры считают, что студенты-бакалавры должны знать татарский язык на уровне современных требований. В КГМУ на лечебном факультете серьезное внимание уделяется совершенствованию разговорного татарского языка, а студенты социального факультета изучают соответствующую своей дисциплине терминологию. Преподавание татарского языка в КГТУ (КАИ) в Институте радиоэлектроники и телекоммуникации организовано исходя из уровня знаний студентов в татарской и русской подгруппах, занятия рассчитаны на 5 семестров [Миронова 2009 www].

В-третьих, невнимание к тенденции автономно формировать правовые основы языкового строительства в основных сферах общественной жизни, в первую очередь — в расширении и укреплении социально-коммуникативных функций национальных языков. В. М. Алпатов вспоминал, как в

начале нулевых во многих республиках, входящих в состав РФ, активно обсуждалась возможность использования внутри своего региона исключительно родного языка, а английского языка — для дипломатического сношения с внешним миром и Москвой. Сейчас это звучит как утопия, но всегда нужно помнить о том, что раз возникшая тенденция продолжает до поры до времени существовать латентно в виртуальной реальности.

В-четвертых, невнимание к усилению практики использования национальных языков у малочисленных народов Севера (от 65 до 85 % по разным национальностям), у народов Закавказья, что связано с монопроживанием в сельской местности, удаленностью от промышленных и культурных центров региона, но и в немалой степени с защитой национального языка региональными властями.

В-пятых, невнимание к тенденции поддерживать национальный язык в другом регионе, напр. чувашский язык в Мордовии, мордовский и эрзянский в Чувашии.

Постсоветская социолингвистика пыталась ответить на вызовы современности, говоря «правильные слова»: «Социальные процессы, кардинально изменившие в конце XX века облик российского общества, заставили ученых-лингвистов обратиться к целому ряду вопросов, еще не так давно казавшихся или уже окончательно решенными, или представляющими побочный, сугубо прикладной интерес. К таким вопросам относится, например, вопрос о статусе государственных языков и их функционировании в различных сферах жизни общества, их взаимоотношении с другими языками в многонациональных государствах <...>. Обострение национально-языковых отношений стало достаточно неожиданным для многих ученых <...>» [Решение... 2003: 3].

Слова, безусловно, правильные, но, к сожалению, вопросы, на которые ищут ответы отечественные социолингвисты, не ставят задачу перед исследователями адекватно оценить меняющуюся или уже изменившуюся языковую ситуацию в РФ и в национальных государствах, объяснить причины этих изменений, а также понять, как выстраивать языковую политику в новой реальности. Вместо этого отечественная наука ограничивается «основной задачей, которой стал бы анализ и обобщение опыта решения национально-языковых вопросов в современном мире» [Решение... 2003: 4].

Отметим, что спустя десять лет вся описанная выше исследовательская ситуация без каких-либо изменений повторилась в очередном проекте Института языкознания РАН [Решение... 2010: 3—4].

Именно по этой причине, как нам представляется, в теоретическом отношении отечественные социолингвисты продолжают повторять устаревшие, восходящие в своей основе к гипотезе Сепира — Уорфа в ее неогумбольдтианском варианте, положения о соотношении языка, мышления и культуры. Далее отсылки типа «язык как средство общения людей и сформированная с его помощью культура данного общества находится в неразрывной связи и непрерывном взаимодействии, что определяет их развитие» дело не идет. Характеризуя языковую и культурную картину мира, тривиально утверждается, что язык — мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива. Отсюда следует эклектичное оперирование такими понятиями, как норма, идеология, менталитет, концепт, стереотип, национальный характер. Признаются различия и конфликты культур. Говорится о роли языка и культуры в сохранении национальной самобытности народов. Но дальше деклараций дело не идет.

При всем том постсоветские социолингвисты продолжают оставаться гегельянцами, так как признают, что силами прогресса общественной жизни и человеческой деятельности выступают противоречия между техническим прогрессом, объединяющим людей, создающим все новые возможности и способы коммуникации, и человеческим фактором, представленным языками и культурами, разъединяющими народы; противоречия между глобальным языком и национальными языками и культурами, так как глобальность одного языка (в наши дни — английского) угрожает если не полным уничтожением других языков и культур, то их ослаблением, угасанием, необратимыми изменениями под давлением доминирующего языка и заложенной в нем культуры; наконец, противоречия между понятиями равенства и разнообразия (индивидуальности), что относится и к отдельным людям, и к народам, и к их языкам [Тер-Минасова 2008: 19—20].

К 20-м гг. нынешнего века научная дискурсивная практика практически вновь перестала отличаться от дискурса социолингвистики 60—70-х гг. прошлого века, восходящего к научному дискурсу языковой политики 20-х годов: «Можно с уверенностью сказать, что языки всех коренных малочисленных народов РФ не несут функциональной нагрузки, сравнимой с нагрузкой русского языка, то есть не обслуживают достаточное

количество сфер общения для того, чтобы сохранялась практическая заинтересованность молодежи и взрослого населения в своем родном языке. Такие коммуникативные сферы, как наука, образование, производство, сфера услуг и другие, обслуживаются либо полностью, либо в наибольшей мере русским языком, что отодвигает язык этносов в сферы межличностного общения — бытового, внутрисемейного, дружеского. Нет сомнений в том, что каждый родитель в первую очередь хочет для своего ребенка успехов в обучении, карьере, официальной коммуникации, поэтому даже внутри семьи используется именно русский, а не родной язык» [Коротич 2017: 25—26].

Вывод напрашивается сам собой: нет реального понимания ситуации, есть ее эмоционально окрашенное восприятие и неприятие, так как реальность противоречит наличной картине мира. В опубликованных за последние годы многочисленных статьях было высказано много важных теоретических положений по языковой проблеме, но они не содержат детальной исторической проработки вопросов на материале, актуальном для языковой политики РФ по отношению к тем языкам и нациям, которые входят в состав РФ или граничат с ней, образуя контуры новой языковой политики, обуславливая необходимость понимания совершенно иной ситуации по сравнению с концом XX в. Да и в общем теоретическом плане остаются неясными многие существенные проблемы. А именно: в чем состоят те качественные изменения, которые происходят при образовании национального языка в независимых государствах от Балтики до Черного моря, от Молдовы до Республики Саха?

По сути, это овнешняет то самое постоянное напряжение между философией истории, в которой гегелевский непрерывный процесс развития предоставляет каждому народу — в свой черед и в свое время — господствующее место в истории, и циклической концепцией времени, в которой культуры предстают как несоизмеримые и взаимонепроницаемые монады.

То, что мы сегодня наблюдаем, и что социолингвистика как наука должна объективно описать и объяснить, так это этапы «большого пути» от языка народности к национальному языку. Всего несколько иллюстраций к сказанному.

(90-е.) *С начала 1990-х годов государственная политика Республики Беларусь была ориентирована на формирование установки, что родным языком белоруса может быть только белорусский* [Шимов 2012: 98].

(2008 г.) Украинцы в целом составляют 78% населения Украины, из которого в ходе последней переписи своим родным языком украинский назвали 68%. Это означает, что из всех русскоязычных украинцев, составляющих 28% от общего населения, только чуть более трети (эти самые 78 — 68 = 10%) являются в чистом виде русскоязычными — они и разговаривают на русском языке, и называют этот язык родным [Свиржецкий 2008: 7].

(2013 г.) В современных условиях перспективы государственности прямо зависят от способности государства поддерживать и защищать национальную систему ценностей. Защита национальных ценностей является главной целью систем мер по обеспечению национальной безопасности страны. Утрата государством самоидентификации, отсутствие единой ценностной базы являются, в свою очередь, угрозой национальной безопасности <...> Как считает Б. Абдыгалиев, одной из основ новой национальной идентичности является знание всеми гражданами Казахстана казахского языка <...> Язык, являясь средством общения, коммуникации, может также выступить, как заявил Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, „мощным оружием, способным объединить казахстанский народ“. По его мнению, казахский язык, который был на грани исчезновения, получил статус и снова возродился вместе с независимостью... [Курманова 2013: 224].

(2014 г.) Глава таджикского правительственного комитета по языку и терминологии Гавхар Шарофзода считает долгом каждого гражданина страны возвращение к национальному написанию фамилий. „Избавление от русских суффиксов в фамилиях является национальным долгом каждого гражданина Таджикистана“, — заявила она журналистам. <...> Первым в стране изменил написание своей фамилии президент Эмомали Рахмонов: с 2007 года его фамилия пишется без русского суффикса „-ов“ — Рахмон. <...> По данным Гавхар Шарофзода, за несоблюдение норм закона „О государственном языке Таджикистана“ в 2013 году были оштрафованы 64 человека. Она также сообщила о создании специальной группы, которая будет следить за соблюдением норм литературного языка в радио- и телепрограммах [В Душанбе... 2014 www].

Пока нет сомнений в том, что формирование любого национального языка идет в направлении становления и укрепления языковой нормы. В направлении приобрете-

ния литературным языком — за счет его позиций в государственных, образовательных и культурных институциях, начиная с определенного периода, связанного с идеей нации, — приоритетного положения по отношению к другим языкам. А в ряде случаев — в направлении борьбы за вытеснение главенствующего в культуре и/или политике инонационального языка. Эта борьба — все-навсего результат неподготовленности, в том числе социально-исторической, к формированию национального государства. Защита формирующихся национальных языков от влияния «чужих» литературных языков всегда приобретала характер «борьбы за функцию». История формирования каждого национального языка не индивидуальна, а универсальна, а потому повторима.

Если говорить о функциях, за которые идет борьба, то это возможности языкового выражения и фиксации в обширном корпусе текстов (оригинальных и переводных) всех важнейших знаний о мире и обществе, т. е. энциклопедия как картина мира, в которой нации отведено свое, безусловно, значимое место; это наличие всеобъемлющего корпуса оригинальных текстов во всех функциональных разновидностях и социальных функциях, которые используются органами государственной власти и управления в качестве не только языка законов и постановлений, но, что не менее важно, в качестве языка официального общения. И конечно же, обязательность и нормативность употребления языковых средств, используемых в социально-политической, национально-культурной, официально-деловой, юридической сферах речевой деятельности.

Стремление народа, составляющего национальный социум, обладать собственным национальным языком, отличным от языка других наций, относится к сфере чувств и пристрастий, которые, хотя и вызываются объективными причинами культурно-исторического, политического, психологического, социального характера, часто несут на себе отпечаток субъективных ценностных ориентаций.

Отсюда следуют обязательные для каждого национального государства задачи языкового строительства: национальный язык нуждается в целенаправленном укреплении и развитии; принимаемые законодательные нормы позволяют определить порядок формирования, развития и регулирования языковых средств национального языка, употребляемого в государственной функции, а также юридического контроля, поддержания и укрепления статуса национального языка.

Будем реалистами: «война языков», которую мы сегодня наблюдаем как лингвисты, имеет свою историю. Начавшуюся на территории Российской империи, продолжавшуюся затем на территории СССР, имеющую промежуточные победы и поражения на постсоветском пространстве.

Проследим типовые (сходные) этапы борьбы за национальный язык, проходящие в формирующемся национальном государстве. Это те самые предпосылки для правильного понимания ситуации и поиска решения основных вопросов, связанных с задачами языковой политики и языкового строительства.

В тех языковых процессах, которые сопровождают становление национального языка, начинает осознаваться генетическая близость словарного состава и грамматического строя тех диалектов, которые принимают участие в его формировании; эта близость понимается как результат генетического родства, что обусловлено общностью внутренних законов развития языка, которая объединяет все диалекты. Это тоже борьба, подчиняющаяся гегелевской диалектике.

Тем самым, с нашей точки зрения, обусловлена мотивация исследования и сделанные из него выводы башкирских социолингвистов: «Башкирский язык и другие языки народов России вынуждены испытывать колоссальное давление со стороны русского языка <...> Башкирский язык играет важную роль в сохранении единства народа Башкортостана, поэтому государство должно быть заинтересовано в его сохранении и устойчивом развитии» [Киньябулатов 2018: 20—21].

Постепенно структурируются политические и экономические национальные центры, которые начинают формировать и осуществлять целенаправленное языковое планирование и языковую политику. Что также не может обойтись без преодоления некоторого противодействия.

Вспомним, как Татарстан буквально отреагировал на слова Бориса Ельцина «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», после чего 21 марта 1992 г. в республике был проведен референдум по вопросу суверенитета; в ноябре того же года была принята Конституция и даже напечатаны собственные паспорта с национальной символикой, а 15 февраля 1994 г. Москва заключил с Татарстаном Договор о разграничении полномочий, в том числе в сфере языковой политики, который, однако, не был продлен в 2017 г. [Панфилов 2017 www].

Названные выше процессы, в свою очередь, предопределяют борьбу центробежных и центростремительных тенденций,

языковой сепаратизм и языковое единство как отражение экономического и/или политического сепаратизма vs. центризма.

Отсюда проистекают вполне понятные панические настроения типа: «Школы закрыты, язык (*читай* — *русский*) забыт. Из Туркменистана уезжают последние русские <...> Из постсоветского Туркменистана, переживающего тяжелый экономический кризис, уезжают последние представители русской общины <...>. По данным переписи 2012 года, на русскоязычных граждан приходилось пять процентов населения страны <...> с тех пор ситуация только усугубилась <...> в республике сегодня русскую речь можно услышать лишь в столице — Ашхабаде, русские школы закрыты все, кроме одной <...> карьера в государственных органах для лиц нетитульной национальности чрезвычайно затруднена...» [Политические новости mail.ru www].

Единство языка поддерживается и сохраняет свою силу вследствие сосуществования его носителей в пределах одного государства или некоторой формации государственного типа, поэтому так важна в этот период процедура объявления государственности.

В этой связи следует упомянуть о языковой политике Казахстана. В ней сегодня существенную роль играет объявленный еще в октябре 2017 г. первым президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым поэтапный перевод алфавита казахского языка на латинскую графику до 2025 г. Нынешний президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев подтвердил эту инициативу: «Выбор алфавита — это не только выбор шаблона написания. Сегодня Казахстан не отстает от велений времени, соседние страны также выбрали латинскую графику, 90 процентов информации в мире публикуется на латинице. Как известно, кто владеет информацией, у того развивается наука и технология. Переход казахского языка на латиницу — один из ключевых этапов духовной модернизации», — заявил он» [Токаев высказался... 2019 www].

Тем самым роль языка становится приоритетной в формировании национального самосознания и стремлении к национальному единству.

В качестве примера обратимся к тематике международной конференции, проведенной 14 февраля 2019 г. в Башкирском ГУ: «Современные проблемы преподавания башкирского языка в Республике Башкортостан и других регионах Российской Федерации», посвященной Году башкирского языка в Республике Башкортостан и 30-летию факультета башкирской филологии, востокове-

дения и журналистики Башкирского государственного университета. Среди тем для обсуждения были предложены следующие: «Актуальные вопросы преподавания башкирского языка как родного в образовательных учреждениях Республики Башкортостан и других субъектах РФ»; «Пути повышения качества преподавания башкирского языка как государственного в образовательных учреждениях Республики Башкортостан»; «Роль родного языка (*читай — башкирского*), народной педагогики и этнических традиций в воспитании подрастающего поколения».

Подобные изменения, в свою очередь, определяют новый этап в развитии языка, что связано с активным внедрением национального языка во все сферы общественно значимой государственной деятельности.

Именно поэтому 16 июля 2019 г. на Украине вступил в силу закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного». Согласно документу, украинский язык стал обязательным для органов государственной власти и местного самоуправления, учебных заведений, больниц и сферы обслуживания. Ранее, в сентябре 2017 г. также был принят закон об образовании, который предписывает осуществлять образовательный процесс на украинском языке [Русскоязычные школы на Украине... 2020 www].

Это факт, относящийся к новому национальному государству. Но есть факты, характеризующие ситуацию внутри РФ.

Якутская школа «Айыы Кыһата» отказалась принимать русскоязычных детей. Конфликтная ситуация возникла после того, как жители нового микрорайона узнали о закрытии одной из школ и решили отправить детей в «Айыы Кыһата», однако в учебном заведении отказались принимать заявления <...> решение руководства поддержала часть родителей учащихся, которая считает, что «Айыы Кыһата» является национальной школой, а зачисление русскоязычных детей может повлиять на «программу обучения и воспитания» <...> «Мы против, поскольку это противоречит концепции обучения в „Айыы Кыһата“, — цитируют СМИ представителя родительского комитета школы [Политические новости mail.ru (2)].

Необходимо принять как объективную данность научного исследования: все эти изменения, вызванные историческими сдвигами в экономической, политической и культурной жизни конкретной страны, универсально сопутствуют процессу формирования национального языка как фактора борьбы за становление национального государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждое поколение с трудом отказывается от уже сформированной картины мира. Она у поколения 60—70-х гг. прошлого века отличается от картины мира поколения 80-х, не говоря уже о поколении миллениалов. Это касается в том числе отношения к своему национальному языку. Поколение миллениалов не знает и не понимает той реальности. Для них человечество стоит на пороге «новой нормальности», которая требует своего осмысления и интерпретации. Для этого поколения проблема языковых отношений актуализируется в условиях иной геополитической реальности. В условиях становления большого количества национальных государств — от Черногории до Балтии, от Казахстана до Молдовы.

Именно поэтому лингвистика была и остается одной из самых политизированных наук. С помощью языка реализуется стремление каждой нации к созданию своей политической мифологии, тесно связанной с поисками национальной идеи.

Последнее обусловлено, как считает П. Сериио, растерянностью и неуверенностью в себе новых национальных государств, непрестанно сталкивающихся с проблемой отношений части или целого, отставания или сущностного своеобразия; смягчением боли самоидентификации и одновременно попытками защитить себя от угрозы ассимиляции, растворения в чужой культуре [Сериио 2001: 83].

На фоне сказанного выше становится ясной основная проблема: как нам сегодня воспринимать сложившуюся языковую ситуацию на постсоветском пространстве, как к ней рационально относиться, что делать в новой геолингвистической реальности. Как адекватно сегодня подходить к осознанию того, что язык, с одной стороны, это граница, разделяющая народы, и, с другой стороны, это граница, защищающая национальную самобытность и лингвокультурную идентичность нации.

Здесь возможно использование методики лингвистической прогностики, предложенной в работах А. А. Кретова и основанной им Библиотеки лингвистической прогностики [Кретов 2006; Проблемы... 2000]. Дело в том, что принцип равноправия наций становится не просто декларацией доброй воли, но условием выживания народов — и больших, и малых. Человечество выработало правовые нормы мирного сосуществования народов, в том числе принципы ненасильственных разрешений межэтнических споров и защиты национальных меньшинств. Всеобщая Декларация прав человека (1948),

Хельсинкский акт (1975), Парижская хартия для новой Европы (1990) исходят из приоритета прав человека над правами нации и государства. Созданы международные организации, осуществляющие контроль за соблюдением международных правовых норм (Международный суд ООН в Гааге, Комиссия и Совет ООН по правам человека, Комиссия ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, Совет ООН по устранению расовой дискриминации и др.). Немного перефразируя Б. Нарумова [Нарумов 1992: 32—33], можно говорить сегодня о том, что мы присутствуем при фундаментальном изменении самой концепции государственности; заканчивается длительный период существования больших государственных образований с сильной центральной властью, в состав которых входили как крупные нации, так и подчиненные им сравнительно малочисленные этносы. Параллельно установлению прозрачных границ между государствами медленно, но неуклонно осуществляется предоставление значительной самостоятельности (автономии) регионам, сохранившим самобытность в языке, культуре, экономике, укладе жизни. Происходит переход от страны-государства к стране регионов и как бы восстанавливается на новом уровне федеративное устройство, характерное для средневековой Европы.

При этом для отечественной науки о языке по-прежнему важно участие в решении задач, в которых она пока активно не участвует, а именно: в разработке теоретической научно обоснованной программы языковой политики страны и ее пропаганде, в юридической регламентации взаимоотношений языков, в административном регулировании на местах, в сопроводительных экономических мероприятиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мы специально хотим обратить внимание читателя на тираж — это массовое издание, а не сугубо академическое; для сравнения: в 1933 г. тираж первого тома «Избранных трудов» Н. Я. Марра, который был с «новым учением о языке» официальным проводником государственной языковой политики, составил 5 тыс. экз.

[2] Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич — литературовед и лингвист, почетный член Петербургской академии наук с 1907 г., после революции 1917 г. — Российской академии наук; с 1883 преподавал в Новороссийском университете, в 1887—1988 — в Казанском; в 1888—1905 профессор Харьковского университета; с 1905 профессор Петербургского университета; ученик и последователь А. А. Потебни

(подробнее см.: [Петренко 2017: 96—130]).

[3] Сафаров Георгий Иванович (1891—1942) — российский революционер, советский государственный и партийный деятель; с 1920 член Коммунистической партии Туркестана; в 1922—1924 г. член Исполкома Коминтерна; заведующий Восточным отделом и секретарь Исполкома Коминтерна; во внутрипартийной борьбе поддерживал Зиновьева, 18 декабря 1927 был исключен из ВКП(б), арестован; постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 16 июля 1942 г. «за антисоветскую троцкистскую террористическую деятельность» расстрелян 27 июля 1942 г.

[4] Затонский Владимир Петрович (1888—1938) — украинский и советский политический и партийный деятель; с 1922 по 1924 и с 1933 по 1938 гг. — нарком просвещения УССР; 3 ноября 1937 г. был арестован, 29 июля 1938 г. приговорен к смертной казни и в тот же день расстрелян.

[5] История литературных языков народов СССР отражена в энциклопедическом издании: «Языки народов СССР». В 5 томах. М.: Изд-во АН СССР, 1966—1968.

[6] Исаев Магомет Измаилович (1928—2011), д-р филол. наук, проф., в.н.с. Института языкознания (АН СССР — РАН), советский и российский лингвист, занимался вопросами социолингвистики и этнолингвистики, взаимодействием языков СССР и РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алпатов, В. М. 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / В. М. Алпатов. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2000. — 224 с. — Текст : непосредственный.
2. Вайль, П. 60-е. Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. — Москва : АСТ, 2018. — 432 с. — Текст : непосредственный.
3. В Душанбе таджикам предложили избавиться от русских суффиксов в фамилиях // Zona.kz : интернет-газета. — 2014. — 6 февр. — URL: <https://zonakz.net/2014/02/06/v-dushanbe-tadjikam-predlozhi-izbavitsja-ot-russkikh-suffiksov-v-familijakh/> (дата обращения: 12.03.2021). — Текст : электронный.
4. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. : протоколы. — Москва : Партиздат, 1933. — 954 с. — Текст : непосредственный.
5. Исаев, М. И. О языках народов СССР / М. И. Исаев. — Москва : Наука, 1978. — 222 с. — Текст : непосредственный.
6. Киньябулатов, И. Ф. Анализ языковой ситуации в Республике Башкортостан / И. Ф. Киньябулатов, Т. Г. Мухтаров. — Уфа : Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, 2018. — 22 с. — Текст : непосредственный.
7. Коротич, С. А. Правовой и функциональный статус языков Российской Федерации / С. А. Коротич, Г. М. Мандрикова. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2017. — № 3 (10). — С. 13—29.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1954. Ч. 1. 1898—1924. — Москва : Госполитиздат, 1954. — 832 с. — Текст : непосредственный.
9. Кретов, А. А. Основы лексико-семантической прогностики / А. А. Кретов. — Воронеж : Воронежский ГУ, 2006. — 390 с. — Текст : непосредственный.
10. Курманова, Ж. Б. Государственный язык как основа казахстанского общества / Ж. Б. Курманова. — Текст : непосредственный // Вестник Саратовского государственного

технического университета. — 2013. — № 1. — С. 221—225.

11. Куровская, Ю. Г. Языковая политика в странах постсоветского пространства: сравнительно-сопоставительный анализ / Ю. Г. Куровская. — Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № 1. — С. 16—24.

12. Ленин, В. И. Критические заметки по национальному вопросу / В. И. Ленин. — Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — Изд. 5-е. — Москва : Изд-во политической литературы, 1973. — Т. 24. — С. 124—131.

13. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19—20 сентября 1989 г. — Москва : Политиздат, 1989. — 256 с. — Текст : непосредственный.

14. Миронова, Е. Преподавание в вузах на татарском языке необходимо сохранить, считает Фирая Шайхиева / Е. Миронова. — 2009. — 30 окт. — URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/prepodavanie-v-vuzah-na-tatarskom-yazyke-neobhodimo-sohranit-schitaet-firaya-shaykhieva> (дата обращения: 20.12.2021). — Текст : электронный.

15. Мурсалиев, А. Национальный вопрос / А. Мурсалиев. — Текст : непосредственный // Комсомольская правда. — 1989. — 5 авг. (субботный выпуск). — С. 1—2.

16. Нарумов, Б. П. Региональные романские языки в Западной Европе / Б. П. Нарумов. — Текст : непосредственный // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 1992. — Т. 51. — № 5. — С. 29—40.

17. Овсяннико-Куликовский, Н. Д. Психология национальности / Н. Д. Овсяннико-Куликовский. — Петроград, 1922. — 38 с. — Текст : непосредственный.

18. Панфилов, О. Всем говорить по-русски: имперская политика получает вторую жизнь / О. Панфилов. — Текст : электронный // Facenews. — 2017. — 23 окт. — URL: <https://www.facenews.ua/columns/2017/317175/> (дата обращения: 10.09.2020).

19. Петренко, Д. И. Лингвистическая палеонтология культуры: языкознание. Кавказоведение / Д. И. Петренко, К. Э. Штайн. — Ростов-на-Дону : Полиграф-Сервис, 2017. — 462 с. — Текст : непосредственный.

20. Политические новости mail.ru. — URL: <https://news.mail.ru/politics/33247098/?frommail=1> (дата обращения: 10.10.2020).

21. Политические новости mail.ru (2). — URL: <https://news.mail.ru/society/36171467/?frommail=1> (дата обращения: 3 дек. 2020).

22. Проблемы лингвистической прогнозтики : сб. науч. трудов. — Вып. 1—4. — Воронеж : Воронежский ГУ, 2000—2007. — Текст : непосредственный.

23. Решение национально-языковой проблемы в СССР. — Москва : Политиздат, 1982.—224 с. — Текст : непосредственный.

24. Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. акад. Е. П. Чельшева. — Москва : Азбуковник, 2010. — 771 с. — Текст : непосредственный.

25. Решение национально-языковых вопросов в современном мире / под ред. акад. Е. П. Чельшева. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2003. — 464 с. — Текст : непосредственный.

26. Русскоязычные школы на Украине перейдут на украинский язык // Новости. Mail. — 2020. — 1 сент. — URL: <https://news.mail.ru/society/43182391/?frommail=1> (дата обращения: 20.06.2021). — Текст : электронный.

27. Свиржецкий, К. Языки в Украине: возродить украинский — защитить русский / К. Свиржецкий. — Запорожье : Дикое Поле, 2008. — 136 с. — Текст : непосредственный.

28. Серно, П. Структура и целостность / П. Серно. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 360 с. — Текст : непосредственный.

29. Сталин, И. В. Марксизм и национальный вопрос / И. В. Сталин. — Текст : непосредственный // Сочинения / И. В. Сталин. — Москва : ОГИЗ, 1946. — Т. 2. — С. 290—367.

30. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово, 2008. — 344 с. — Текст : непосредственный.

31. Токаев высказался о переходе казахского языка на латиницу // Sputnik. Казахстан. — 2019. — 2 апр. — URL: <https://ru.sputnik.kz/20190402/tokaev-latinica-kazahskij-yazyk-9719060.html> (дата обращения: 25.06.2021).

32. Шимов, В. В. Белорусы и проблемы «родного языка» / В. В. Шимов. — Текст : непосредственный // Современная Европа : журн. общественно-политических исследований. — 2012. — № 1. — С. 97—107.

33. Шорова, М. Б. Актуализация национального вопроса в СССР в условиях общественно-политических преобразований второй половины 1980-х гг. / М. Б. Шорова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Серия: история. — 2018. — № 55. — С. 62—66.

REFERENCES

1. Alpatov, V. M. (2000). *150 jazykov i politika. 1917-2000. Sociolingvističeskie problemy SSSR i postsovetского prostranstva* [150 languages and politics. 1917-2000. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 224 p. (In Russ.)

2. Vajl', P., & Genis, A. (2018). *60-e. Mir sovetskogo čeloveka* [60-e. The world of the Soviet man]. — Moscow: AST Publishing House, 2018, 432 p. (In Russ.)

3. *V Dushanbe tadzhikam predložili izbavit'sya ot russkikh suffiksov v familijakh* [In Dushanbe, Tajiks were offered to get rid of Russian suffixes in surnames] (2014, Febr. 6). Zona.kz. Retrieved March 12, 2021, from <https://zonakz.net/2014/02/06/v-dushanbe-tadzhikam-predložili-izbavitsja-ot-russkikh-suffiksov-v-familijakh/> (In Russ.)

4. *Desjatyj s'ezd RKP(b). Mart 1921 g.: Protokoly* [The Tenth Congress of the RCP(b). March 1921] [Protocols] (1933). — Moscow: Partizdat, 954 p. (In Russ.)

5. Isaev, M. I. (1978). *O jazykah narodov SSSR* [On the languages of the peoples of the USSR]. — Moscow: Nauka, 222 p. (In Russ.)

6. Kin'jabulatov, I. F., & Muhtarov, T. G. (2018). *Analiz jazykovoj situacii v Respublike Bashkortostan* [Analysis of the linguistic situation in the Republic of Bashkortostan]. — Ufa: Institute of History, Language and Literature of the UFIC RAS, 22 p. (In Russ.)

7. Korotich, S. A., & Mandrikova, G. M. (2017). *Pravovoj i funkcional'nyj status jazykov Rossijskoj Federacii* [The legal and functional status of the languages of the Russian Federation]. *Ecology of language and communicative practice*, 3(10), 13—29. (In Russ.)

8. CPSU (1954). *KPSS v rezoljucijah i reshenijah s'ezdov, konferencij i plenumov CK. 1898-1954. Čast' 1: 1898-1924* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 1898-1954. Part 1: 1898-1924]. Moscow: Gospolitizdat, 832 p. (In Russ.)

9. Kretov, A. A. (2006). *Osnovy leksiko-semantičeskoj prognostiki* [Fundamentals of lexico-semantic prognostics]. Voronezh: Voronezh State University, 390 p. (In Russ.)

10. Kurmanova, Zh. B. (2013). *Gosudarstvennyj jazyk kak osnova kazahstanskogo obshhestva* [The state language as the basis of Kazakh society]. *Bulletin of the Saratov State Technical University*, 1, 221—225. (In Russ.)

11. Kurovskaja, Ju. G. (2015). *Jazykovaja politika v stranah postsovetского prostranstva: sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz* [Language policy in the post-Soviet countries: comparative analysis]. *Bulletin of the Buryat State University*, 1, 16—24. (In Russ.)

12. Lenin, V. I. (1973). *Kritičeskie zametki po nacional'nomu voprosu* [Critical notes on the national question]. In *Complete Works* (Ed. 5th, Vol. 24, pp. 124—131). (In Russ.)

13. CPSU (1989). *Materialy Plenuma Central'nogo Komiteta KPSS, 19-20 sentjabrja 1989 g.* [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, September 19-20, 1989]. Moscow: Politizdat, 256 p. (In Russ.)

14. Mironova, E. (2009, Oct. 30). *Prepodavanie v vuzakh na tatarskom yazyke neobkhodimo sokhraniti', schitaet Firaya Shaykhieva* [Teaching in universities in the Tatar language must be preserved, says Firaya Shaikhieva]. Retrieved December 20, 2021, from <https://www.tatar-inform.ru/news/prepodavanie-v-vuzah-na-tatarskom-yazyke-neobkhodimo-sohranit-schitaet-firaya-shaykhieva> (In Russ.)

15. Mursaliev, A. A. (1989, August 5, Saturday). *Nacional'nyj vopros* [The national question]. *Komsomolskaya Pravda*, 1—2. (In Russ.)

16. Narumov, B. P. (1992). *Regional'nye romanskie jazyki v Zapadnoj Evrope* [Regional Romance languages in Western Eu-

rope]. *Izvestiya RAS. A series of literature and language*, 51(5), 29–40. (In Russ.)

17. Ovsjaniko-Kulikovskij, N. D. (1922). *Psichologija nacional'nosti* [Psychology of nationality]. — Petrograd, 38 p. (In Russ.)

18. Panfilov, O. (2017, Oct. 23). *Vsem govorit' po-russki: imperskaya politika poluchaet vtoruyu zhizn'* [Speak Russian to everyone: imperial politics gets a second life]. *Facenews*. Retrieved Sept. 10, 2020, from <https://www.facenews.ua/columns/2017/317175/> (In Russ.)

19. Petrenko, D. I., & Shtajn, K. Je. (2017). *Lingvisticheskaja paleontologija kul'tury: Jazykoznanie. Kavkazovedenie* [Linguistic paleontology of culture: Linguistics. Kavkaz Studies]. Rostov-on-Don: Polygraph-Service, 462 p. (In Russ.)

20. *Political news at mail.ru*. (n.d.). Retrieved Oct. 10, 2020, from <https://news.mail.ru/politics/33247098/?frommail=1> (In Russ.)

21. *Political news at mail.ru* (2). (n.d.). Retrieved Dec. 3, 2020, from <https://news.mail.ru/society/36171467/?frommail=1> (In Russ.)

22. *Problemy lingvisticheskoy prognostiki; sb. nauchn. trudov* [Problems of linguistic prognostics] [collection of scientific works] (2000—2007, Iss. 1—4). Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.)

23. *Reshenie nacional'no-jazykovoj problemy v SSSR* [The solution of the national language problem in the USSR] (1982). Moscow: Politizdat, 224 p. (In Russ.)

24. Academician Chelysheva, E. P. (Ed.). (2010). *Reshenie nacional'no-jazykovykh voprosov v sovremennom mire. Strany SNG i Baltii* [Solving national-language issues in the modern world. CIS and Baltic countries]. Moscow: Azbukovnik, 771 p. (In Russ.)

25. Academician Chelysheva, E. P. (Ed.). (2003). *Reshenie nacional'no-jazykovykh voprosov v sovremennom mire* [The solution of national-language issues in the modern world]. — St. Petersburg: Zlatoust, 464 p. (In Russ.)

26. *Russkoyazychnye shkoly na Ukraine pereydu na ukrainskiy yazyk* [Russian-language schools in Ukraine will switch to Ukrainian] (Sept. 1, 2020). *News at Mail*. Retrieved June 20, 2021, from <https://news.mail.ru/society/43182391/?frommail=1> (In Russ.)

27. Svirzheckij, K. (2008). *Jazyki v Ukraine: vozrodit' ukrainskij — zashchitit' russkij* [Languages in Ukraine: to revive Ukrainian — to protect Russian]. Zaporozhye: Wild Field, 136 p. (In Russ.)

28. Serio, P. (2001). *Struktura i celostnost'* [Structure and integrity]. Moscow: Languages of Slavic culture, 360 p. (In Russ.)

29. Stalin, I. V. (1946). *Marksizm i nacional'nyj vopros* [Marxism and the national question]. In *Works* (Vol. 2, pp. 290—367). Moscow: OGIZ. — (In Russ.)

30. Ter-Minasova, S. G. (2008). *Vojna i mir jazykov i kul'tur* [War and the world of languages and cultures]. Moscow: Slovo, 344 p. (In Russ.)

31. *Tokaev vyskazalsya o perekhode kazakhskogo yazyka na latinitsu* [Tokayev spoke about the transition of the Kazakh language to the Latin alphabet] (2019, Apr. 2). *Sputnik. Kazakhstan*. Retrieved June 25, 2021, from <https://ru.sputnik.kz/20190402/to-kaev-latinica-kazahskij-yazyk-9719060.html> (In Russ.)

32. Shimov, V. V. (2012). *Belorusy i problemy «rodnogo jazyka»* [Belarusians and problems of the “native language”]. *Modern Europe. Journal of Socio-Political Research*, 1, 97—107. (In Russ.)

33. Shorova, M. B. (2018). Aktualizacija nacional'nogo voprosa v SSSR v uslovijah obshhestvenno-politicheskikh preobrazovanij vtoroj poloviny 1980-h gg. [Actualization of the national question in the USSR in the conditions of socio-political transformations of the second half of the 1980s]. *Bulletin of Tomsk State University. History series*, 55, 62—66. (In Russ.)